

А совсем наглых девочек я, отшлепав, переворачиваю.

Ты хорохоришься, смотришь на меня, вскинув подбородок и скалясь. Кладешь руки за голову, водружаешь пяточки на ручку дивана, шевелишь пальцами ног и ждешь, что дальше будет.

А ничего не будет. Будет приятный груз твоей голой отшлепанной попки поперек моих колен. Будут подмышечки, которые ты наивно подставила моему взгляду, думая придать себе независимый вид этими руками за головой. На самом деле ты даешь мне любоваться своими самыми неловкими и уязвимыми местами. Впадинками, от которых у девушки столько хлопот, — и намокают, и норовят ощетиниться. Как мило, что у сколь угодно дерзкой моей пленницы они все равно будут аккуратные, гладкие, будто застенчиво ждущие похвалы за прелестность. Я довольна твоими подмышечками, поэтому и скребу своим длинным ногтем ту, что ближе ко мне, а с другой, наверное, чуть попозже займусь любовью, повернув тебя на бок. Тебе будет не очень удобно, у тебя будет мало возможностей изображать передо мной, что ты тут главная, насмешливо-бесстыжая, позволяющая мне все это, — но что поделаешь. Эта горячая ямочка с легкой выпуклостью на дне кажется не то чтобы созданной принимать в себя бугорок с ложбинкой, — слишком все-таки приблизительно и умозрительно, — но все же есть между ними что-то похожее на то, как западают друг в дружку очертаниями Африка с Южной Америкой. Да и просто с удовольствием натру это чистенькое, укромное, условно приличное место своим детородным потом. Пусть он стекает каплями, будто твой собственный, машинально вызывая стыд.

Ну а пока что лежи вот так, наслаждайся тем, что тебя больше не шлепают, а наоборот, твоей попке тепло и мягко на хозяйкиных коленях. И да, твои подмышки прекрасно смотрятся в сочетании с оголенной, слегка пушистой, совершенно мне отданной в распоряжение самочкой щелкой.

Я знаю, как трудно быть девочкой без трусов. Жизнь этому не учит. Девочкой без лифчика — это сколько угодно, тут само твое тело помнит, как держаться, чувствует свою власть над взглядами. А тут что-то странное, правда? Будто тебе хотели обнажить пупок, но промахнулись. Признаюсь, я сама толком не понимаю, что с тобой такой делать. Кроме как переводить глаза на твою наглую прелестную мордочку и обратно. Это так выразительно, — голый пах игривой милашки, в остальном вполне одетой. Как будто пока я смотрю туда, ты поймана и никуда не убежишь, даже если тебе надоест кокетничать. Мне даже не хочется трогать. Вместо этого я через твой тугой топик цапаю левую грудку, сжимаю, даю почувствовать ногти, — все, отдохнула, одной раскрасневшейся попки с тебя мало.

— Вот какого черта я все это терплю? Что ты за ведьма такая!

Пусть ругается, — через это как-то и получает ее молодой организм пользу от упражнений с неласковой старшой любовницей. Я пропускаю ее ладонь на обнаженную полосу, даю юрким нервным пальцам забраться под шерстку, любуюсь немного — красивая рука, изящная какая-то манера мастурбировать, хотя, может быть, меня просто подкупает такая реакция на то, когда я делаю больно. Беру за запястье и оттаскиваю, в раздвинутые пошире бедра приземляю несильный, но и не символический шлепок, даю пальцам вернуться, опять любуюсь, повторяю процесс. Моя правая рука тем временем под ее топиком, но я уже

милосердней.

Она продолжает ругаться, когда я, теперь уже за диваном, склоняюсь между ее задранных ног и веду себя с ней, перевернутой, вволю зубасто. Можно подумать, у меня как раз для этих целей диван не плотно придвинут к стене, но на самом деле это я боялась, что картина ночью свалится и зашибет, а перевешивать не решилась. Какая жизнь все-таки совсем другая, как мало в ней моего собственного, когда я не занимаюсь с девочками разным вот этим. Еще — можете смеяться — я нервничаю от скользких язычков внутри себя (не против анилингуса, но тут все сразу такие капризульки), а вот сама чавкаю щелочками воспитанниц с удовольствием, а размещаю их при этом вниз головой вовсе не из какой-то доминантской щепетильности. Мне нравится думать, что слюна моя может дотечь до матки. Меня томит иногда невозможность сделать хорошенкой девочке живот. Невозможность, избавляющая от вопроса, что бы я с этим делала дальше.

Когда я затем исполняю свое желание, она уже лежит подо мной спокойно, переводит дыхание, слегка улыбается. На ней уже нет и топика; соски утыкаются в мою правую икру. Она слегка вздрагивает от щекотки, но руку продолжает послушно держать вытянутой назад. Все происходит довольно неуклюже, я очень осторожна, и мне в конце концов это экспериментаторство надоедает. Об отшлепанную ягодицу тереть промежность гораздо интереснее.

И никто не сказал, что я на этом остановлюсь.

— Ты меня ведь сейчас трахнешь в жопу, да? — спрашивает она, когда я возвращаюсь. Риторический вопрос, в комнате уже пахнет фруктово. — Ы-ы, размерчик, — добавляет, перевернувшись и видя, что у меня на бедрах.

Я беру ее за щиколотки и подтаскиваю. Колени она поджимает сама. В этой позе дырочки у девочки образуют восхлипатательный знак, — смутный такой, природный, нечаянный. Одна дырочка сегодня уже моя-моя, поблескивает, вылизанная допресна, перебивает фруктовый запах своим невоспитанно-самочим и ноет, я знаю, после моих шлепков и прикусываний. Вторую я смазываю, нажимаю пальцем, приоткрывая, — туго, приятно на ощупь. Страпон уже фруктовый и скользкий. После каждого медленного сантиметра поднимать глаза и следить за ее милой наглой физиономией. Задержаться, любуясь, как глубоко и кругло вошло, и — первый из многих раз потащить наружу.

Вот тут я не хочу ничего несбыточного. Наоборот, роскошно в такие моменты не быть мужчиной. Расточительно, если хотите. То, к чему обычно девочки притерпеваются ради огромного самцовского удовольствия, моя — просто потому, что моя, и мне всегда увлекательно ей об этом напоминать.